

RU

Языковая личность переводчика и прагматическая вариативность перевода (на материале переводов романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение»)

Рахматуллина Д. Р., Безменова Л. Э., Мангушев С. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить переводческие решения, в которых находит отражение языковая личность переводчика. Материалом послужили переводы романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение», выполненные И. С. Маршаком, И. Г. Гуровой и А. Я. Ливергантом. В статье рассмотрены понятия «вариативность перевода» и «языковая личность переводчика», исследованы трансформации речевых актов в разных вариантах перевода с точки зрения проявления языковой личности переводчиков. Процесс перевода обусловлен многими факторами, в том числе и прагматическими, что проявляется в выборе речевых актов для окончательного варианта перевода. Научная новизна исследования состоит в том, что трансформация речевых актов рассматривается как индивидуальный выбор переводчика на основании анализа таких объективных прагматических компонентов переводческого дискурса, как пропозиция и пресуппозиция. В результате исследования установлено, что профессиональный переводчик ищет объективный, адекватный и гармоничный в когнитивном, лингвистическом и культурном смыслах вариант перевода, дешифруя прагматические параметры текста оригинала с учетом их влияния на адресата, что приводит к трансформации речевых актов в процессе перевода.

EN

The linguistic personality of a translator and the pragmatic variability of translation (based on the translations of Jane Austen’s novel “Pride and Prejudice”)

D. R. Rakhmatullina, L. E. Bezmenova, S. V. Mangushev

Abstract. The research aims to identify the translation solutions that reflect a translator’s linguistic personality. The translations of Jane Austen’s novel “Pride and Prejudice” by I. S. Marshak, I. G. Gurova, and A. Ya. Livergant served as the research material. The paper examines the notions of “translation variability” and “a translator’s linguistic personality”, investigates the transformations of speech acts in different translation variants taking into account the manifestation of translators’ linguistic personality. The translation process is determined by many factors, including pragmatic ones, which is manifested in the choice of speech acts for the final version of the translation. The research is original in that it considers the transformation of speech acts as a translator’s individual choice based on the analysis of such objective pragmatic components of translation discourse as proposition and presupposition. As a result of the research, it was found that a professional translator is looking for an objective, adequate and harmonious (in cognitive, linguistic, and cultural terms) translation variant, deciphering the pragmatic parameters of the original text taking into account their influence on the addressee, which leads to the transformation of speech acts in the translation process.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, интересом к языковой личности переводчика и тексту перевода как персонотексту; во-вторых, большим интересом читательской аудитории к художественному переводу и, в частности, к переводам романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение», что привело к появлению новых вариантов перевода и их публикации. Поиски критериев адекватного и эквивалентного перевода всегда были и остаются востребованными, они невозможны без анализа прагматики действий переводчика как основного участника переводческих дискурса и пространства.

Для достижения цели исследования следует решить следующие задачи:

- рассмотреть понятия «языковая личность переводчика» и «вариативность перевода»;

- отобрать примеры речевых актов в романе Дж. Остин «Гордость и предубеждение» и примеры их переводов, выполненных И. С. Маршаком, И. Г. Гуровой и А. Я. Ливергантом на русский язык, в которых наблюдается вариативность переводов;
- описать примеры с точки зрения критериев адекватности и эквивалентности соответствия тексту оригинала;
- обосновать прагматический выбор варианта авторов перевода.

Поставленные задачи определили методы исследования. В работе применялся метод сплошной выборки примеров; сравнительно-сопоставительный метод для обнаружения сходства и различия переводных вариантов речевых актов с их оригиналами на английском языке, а также контекстуальный анализ, так как при рассмотрении прагматических и функциональных особенностей речевых актов учитывается контекст их употребления.

Материалом для исследования послужили роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение» и его переводы на русский язык:

- Austen J. *Pride and Prejudice*. 1813. <https://apropospage.ru/lib/osten/pride/pride1a.html>;
  - Остин Дж. Гордость и предубеждение / пер. И. С. Маршака. 1967. <https://apropospage.ru/lib/osten/pride/pride4.html>;
  - Остен Дж. Гордость и предубеждение. Фрагменты романа / пер. А. Я. Ливерганта // *Иностранная литература*. 2021. № 1. <https://magazines.gorky.media/inostran/2021/1/gordost-i-predubezhdenie.html>;
  - Остин Дж. Гордость и гордыня / пер. И. Г. Гуровой. 1999. https://apropospage.ru/lib/osten/gurova_1.html.
- В качестве справочного материала были использованы следующие словари:
- Толковый словарь русского языка онлайн. <https://sinonim.org/t>;
  - Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org>.

Теоретическую базу исследования составляют работы В. Н. Комиссарова (2002) по общему переводоведению, А. Д. Швейцера (1988) по прагматике перевода, Ю. В. Ванникова (1998) о прагматической и функционально-прагматической адекватности, а также работа Л. В. Кушнина (2016), посвященная описанию переводческого пространства, роли переводческой личности в нем и новой аксиологической доминанты «гармоничность перевода», предполагающей смысловую и культурную соразмерность оригинала и перевода. Большое значение для исследования имела работа Г. Д. Воскобойника (2004) по лингвофилософским основам переводоведения и когнитивному диссонансу как условию преодоления переводческой асимметрии. При анализе материала использовались труды основоположников теории речевых актов Дж. Серля (Searle, 1969) и Дж. Остина (1986), а также отечественных лингвистов, описывающих прагматические особенности речевых актов различных таксономических классов (Карасик, 2002; Почепцов, 1979). Кроме того, учитывались работы, посвященные особенностям перевода романов Дж. Остин (Тарабунова, Ведяпина, 2021; Исаева, Добрякова, 2019).

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования ее результатов при разработке лекционных курсов по теории и практике перевода, сопоставительного языкознания, а также на семинарских занятиях по практике перевода для будущих переводчиков.

Обсуждение и результаты

Множественный перевод текстов – явление распространенное, и оно вновь заставляет обратиться к проблемам переводимости, вариативности и ее допустимых границ, а также к роли языковой личности переводчика. Вариативность обычно исследуется в языковом и переводческом (лексическом, грамматическом, стилистическом, прагматическом) аспектах, во взаимосвязи со смысловой инвариантностью описания действительности. Инвариантность и вариативность – это две составляющие любого пространства (когнитивного, переводческого), где инвариант является ядром, а варианты составляют связанную с ядром периферию пространства. Связи ядра и периферии сложны и многообразны, но можно их представить логически. В самом ядре-инварианте заложены возможности вариативности, которые уже в тексте перевода могут манифестироваться в различных вариантах распределения смысла по лексико-грамматическим моделям конкретного языка в соответствии с контекстом высказывания. Границы переводческой вариативности определяются, с одной стороны, необходимостью сохранения инвариантного смысла в текстах оригинала и перевода, с другой стороны, необходимостью перераспределения смысла в иноязычных лексико-грамматических формах с учетом коммуникативной ситуации оригинального текста и способами презентации этого смысла в языке перевода. Нам представляется, что переводческая вариативность, варианты перевода и множественность перевода – это соотносимые, но не синонимичные понятия.

Переводческая вариативность часто трактуется как результат переводческих действий, как «параллельное сосуществование нескольких вариантов перевода одного и того же текста, выполненных с точки зрения различных переводческих позиций» (Гарусова, 2007, с. 3).

Толковый словарь трактует «вариативный» как «допускающий варианты, способный иметь, образовывать варианты» (Толковый словарь русского языка онлайн), а вариативность – как «свойство или способность чего-либо изменяться, принимать различные формы, значения или состояния; разнообразие вариантов в какой-либо области (курсив наш. – Д. Р., Л. Б., С. М.)» (Толковый словарь русского языка онлайн). Мы считаем, что переводческую вариативность уместно сравнить с таким понятием, как «валентность». Переводчик опирается на объективную текстовую информацию лингвистического и экстралингвистического характера,

поэтому источником вариативности является текст оригинала, именно он производит смыслы. Переводческая вариативность – это не только свойство текста оригинала продуцировать смыслы, его способность задать направление смыслового развития; но это еще и возможности единиц текста перевода образовывать синтаксические и семантические связи в соответствии с заданным оригиналом смыслом и прагматической установкой. Вариант перевода – это одна из опций, предложенных оригиналом, выбранная переводчиком. Разные переводчики могут выбрать разные лексико-грамматические варианты представления смысла оригинала, что и приводит к множественности перевода.

Согласно Р. Барту, тексту присуща множественность интерпретаций; количество вариантов зависит от количества интерпретантов; как только текст опубликован, он перестает быть собственностью автора и авторский смысл утрачивает роль доминантного смысла. Подсознательно читатель ищет ответ на вопрос, что хотел сказать автор, и в этих поисках создает новые смыслы, обусловленные авторским источником. Р. Барт (1989, с. 413-423) делает вывод, что множественность интерпретации возникает не из-за двусмысленности компонентов содержания, она вызвана пространственной многолинейностью означающих, из которых соткан текст. Данная точка зрения заставляет нас вновь задуматься о взаимодействии языка и мышления. Пространственная многолинейность означаемых нашла отражение в огромном количестве принципов перевода, которые в разное время выдвигались как ведущие; они привлекали внимание исследователей к той или иной грани понятийной, пространственной, временной многолинейности означаемого (Комиссаров, 2002, с. 183). Осознанная многолинейность и вариативность преломляются через личностное видение переводчика.

О деятельности переводчика как индивидуальном творческом процессе мы судим на основании уже имеющихся исследований в психолингвистике, переводоведении, лингвоперсоналогии и теории текста, что ведет к осознанию структурной сложности переводческого пространства и разнообразия происходящих в нем процессов. В то же время все перечисленное открывает новые возможности для изучения деятельности переводчика как профессиональной языковой личности.

В. Н. Комиссаров пишет об особом умении переводчика читать и «понимать текст по-переводчески», не так, как одноязычный читатель, о том, что «его понимание отличается от обычного глубиной и окончательностью» (2002, с. 338). От действий и выбора переводчика, от его умений зависят качество и истинность текста перевода, его смысловая и стилистическая объективность. Личность переводчика или переводческая личность становится ключевой фигурой когнитивных моделей перевода, благодаря которым появляется понимание сути переводческого процесса, что помогает выработать методику профессиональной подготовки переводчиков.

А. Д. Швейцер отмечает, «что переводчик, в особенности переводчик художественного текста, неизбежно привносит в процесс перевода свои собственные характеристики. Это сказывается и на этапе интерпретации исходного текста, и на этапе создания нового текста на языке перевода» (1988, с. 172).

Г. Д. Воскобойник (2004, с. 12) вводит понятие переводческого дискурса и дает ему следующее определение: переводческий дискурс – это вербальное представление профессиональных действий переводчика, включающее перебор вариантов перевода, аргументацию принимаемых решений и их комментарии. Исследователь также предлагает использовать термин Л. Фестингера «когнитивный диссонанс» для описания процесса выбора варианта переводчиком, когда он сталкивается с различием культур и языков (Воскобойник, 2004, с. 25). Когнитивный диссонанс представляется движущей силой, направляющей размышление переводчика в нужное русло и позволяющей объективно оценивать все варианты с точки зрения многих факторов.

Возможно, когнитивный диссонанс возникает на этапах выбора стратегии перевода и поиска наиболее правильного переводческого решения, так как языковая личность переводчика совмещает в себе две языковые личности: читателя, изучающего текст с профессиональной целью, и переводчика. В этом симбиозе рождается профессиональная переводческая личность, билингвальная, бикультурная, способная критически оценивать свою деятельность, открытая новым экстралингвистическим и лингвистическим знаниям. Эти качества формируют особое мировоззрение, и оно становится частью переводческого пространства. Сложность в том, что переводчик (и как читатель оригинала, и как автор перевода) находится под воздействием личности автора оригинала и должен оценивать и создавать вторичный текст с позиции автора оригинала.

Текст, к которому стремится переводчик, должен соответствовать критериям адекватности, эквивалентности и гармоничности (последний термин введен Л. В. Кушпиной (2016)). На пути к этому идеалу переводчик находится под влиянием объективных и субъективных факторов, которые формируют его личный когнитивный и переводческий стиль.

К объективным факторам мы относим языковые и речевые правила оформления текста оригинала и текста перевода, коммуникативную установку автора оригинала и речевые характеристики персонажей, сюжет, композицию текста, жанровые и стилистические особенности, авторские примечания, прагматику текста (прагматические значения и речевые акты), информацию прецедентных единиц, информацию национального и общекультурного характера.

Среди субъективных факторов мы выделяем индивидуальные языковые и речевые предпочтения автора перевода, его личностные интеллектуальные характеристики.

Субъективные факторы формируются под влиянием объективных лингвистических и экстралингвистических факторов. Под их воздействием переводческая личность реализует свой когнитивный потенциал через интеллектуальные действия, предполагающие осознанный выбор варианта. Совокупность вариантов, свойственная одному автору, характеризует его как индивидуальную творческую личность. Благодаря переводчику-посреднику одноязычные читатели опосредованно знакомятся со стилем автора оригинала и, доверяя

переводчику, считают, что именно так воспринимается авторский текст оригинала носителями исходного языка. Они обращают внимание на художественную сторону перевода, поскольку перед ними не стоит задача оценить степень личного влияния переводчика на переводимый текст. Степень этого влияния зависит от лингвистических и фоновых знаний переводчика, индивидуальных навыков и умений извлекать и реконструировать информацию.

Проанализируем, как проявляются языковые личности переводчиков на прагматическом уровне на примере из вариантов перевода романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», который относится к классической английской литературе. Данный роман неоднократно переводился на русский язык, насчитывается 8 вариантов переводов. Впервые на русском языке книга вышла в 1967 году в переводе Иммануэля Маршака. Данный перевод считается классическим и регулярно переиздается. Позднее появились переводы Ирины Гуровой (1998) и Александра Ливерганта (2021) и также получили свое признание как соответствующие основным критериям качественного перевода. А. Я. Ливергант перевел фрагменты книги, которые были опубликованы в журнале «Иностранная литература» в 2021 году. Для анализа нами отбирались примеры, представленные во всех трех вариантах перевода.

Процессу перевода свойственна двоякая направленность: 1) он ориентирован на оригинал, что проявляется в стремлении обеспечить максимальную близость между оригиналом и переводом; 2) он представляет собой конкретный речевой акт (далее – РА), который прагматически обусловлен конкретной ситуацией общения, а также ориентирован на адресата. Когда говорят об удачном переводе, то на первое место выходит не максимальная близость к оригиналу, а соответствие текста перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода; встает вопрос о необходимости сохранить «прагматику оригинала», т. е. цель, которую ставит себе автор художественного произведения, поскольку она обуславливает выбор лексики и грамматики в языке перевода. Эта глобальная объективная цель реализуется в индивидуальных переводческих задачах и операциях. В своем интервью И. Г. Гурова говорит о том, что переводчик должен полностью раствориться в авторе (вспомним принцип «перевод должен звучать как оригинал»): «...у читателя должно сложиться такое же впечатление от русского текста, как у англоязычного от оригинала. Нельзя считать переводом то, что потеряло авторскую идею» (Ирина Гурова: «Свой метод я никому не рекомендую, но судят-то по результату...» // Русский журнал. 04.12.2002. http://web.archive.org/web/20021230005337/www.russ.ru/krug/20021128_kalash.html).

А. Я. Ливергант в примечании к своему переводу написал, что пытался сделать свой перевод «менее громоздким, менее архаичным, более живым и современным», особенно в диалогах (Цит. по: Остен, 2021, с. 183).

И. Г. Гурова предложила свое название роману: «Гордость и гордыня», считая, что данное название ближе к игре слов в английском оригинале и передает поэтичную созвучность английского варианта. Предполагаем, что на вербально-семантическом уровне автор акцентирует внимание на двух разных лексико-семантических вариантах слова “pride”: “a feeling of pleasure and satisfaction that you get because you or people connected with you have done or got something good” и “your feeling of your own worth and respect for yourself” (Cambridge Dictionary), – которые в русском языке представлены двумя самостоятельными словами: гордость – чувство собственного достоинства, самоуважения; гордыня – непомерная гордость, заносчивость, высокомерие, эгоизм, нетерпение упреков (Толковый словарь русского языка онлайн). И. С. Маршак и А. Я. Ливергант дословно перевели название романа, применив прием «калькирование».

Обратимся к прагматическому уровню анализа проявления языковых личностей при переводе этого романа. Одной из главных единиц этого уровня является РА, который произносился в ситуации непосредственного общения с адресатом и представляет собой трехмерное образование, включающее локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акты (Остин, 1986). Существуют различные классификации РА, но в данной статье за основу берется ставшая уже классической классификация РА, предложенная Дж. Серлем, в которой он распределяет РА по следующим классам: репрезентативы, комиссивы, декларации, директивы и экспрессивы (Searle, 1969). О. Г. Почепцов (1979, с. 18-19) уточнил классификацию Дж. Серля, выделил вопросительные высказывания в отдельный класс и предложил для них термин – «квеситив».

Значение речевого акта не сводится к значению входящего в него пропозиционального содержания, а это значит, что одно высказывание может иметь несколько интерпретаций в зависимости от прагматической установки говорящего. Один и тот же речевой акт может обладать разной иллюкутивной силой в зависимости от прагматической ситуации. В одном и том же контексте «могут быть реализованы несколько интенций, близких по иллюкутивной силе, поэтому сам речевой акт может инициировать множественность интерпретации» (Рахматуллина, Безменова, Степанова, 2020, с. 146). А. А. Логинова считает, что в процессе перевода переводчик «делает упор на воспроизведение перлокутивного эффекта речевого акта» (2023, с. 21). Таким образом, для адекватной передачи конкретного речевого акта переводчику необходимо, оттолкнувшись от локутивного РА, идентифицировать его иллюкутивную силу и найти в языковом репертуаре аналог данному РА в переводящем языке, который будет иметь аналогичный прагматический эффект.

Для анализа нами были отобраны примеры, демонстрирующие несовпадение перевода РА, а также помогающие выявить характерные особенности передачи текста разными авторами.

(1) *Oh! Single, my dear, to be sure! <...> What a fine thing for our girls!* (Austen). /

– *Холост, дорогой, в том-то и дело, что холост! <...> Не правда ли, удачный случай для наших девочек?* (Маршак).

– *Холост, дорогой, ну конечно же холост. <...> Нашим с вами девочкам его сам Бог послал* (Ливергант).

– *Ах, мой друг, разумеется, холост. <...> Какое счастье выпало нашим девочкам!* (Гурова).

Миссис Беннет сообщает новость мужу о приезде богатого жениха. В тексте оригинала мы имеем дело с восклицательным междометием *Oh!* и восклицательным предложением, отмеченным маркером *What* и восклицательным знаком. И. С. Маршак передает экспрессивное высказывание через квазивопросительное предложение – риторический вопрос. Риторические вопросы реализуют вторичные, несобственно-вопросительные функции, имеют значение сообщения и не обладают иллюкутивной силой, свойственной квеситивам, – запрос информации. Риторические вопросы не требуют ответа, и их можно отнести к полю вопросительности только на основании формальных параметров (порядок слов в предложении, интонация). Иллюкутивная сила данного РА декодируется в контексте и функционирует как эмоционально окрашенное скрытое суждение. Вводное словосочетание *не правда ли* со значением оценки достоверности события подтверждает это. А. Я. Ливергант экспрессив передает через утверждение – репрезентатив. И. С. Маршак и А. Я. Ливергант опускают междометие *Oh!*, однако экспрессивность компенсируется повтором лексемы *холост*. И. Г. Гурова близка к тексту перевода и использует и экспрессивный РА, и междометие.

Анализируя оригинал, мы замечаем, что его пропозиция содержит пресуппозиции для всех трех вариантов: уверенность суждения трансформируется в риторической частице *не правда ли*, и формальный вопросительный знак скорее относится к ней. В варианте А. Я. Ливерганта смысл пропозиции вербализуется в утверждение. Если рассматривать первые два перевода, то они связаны логически: *Не правда ли, удачный случай [для наших девочек]? Нашим с вами девочкам его сам Бог послал*, что указывает на их общую пропозицию. Переводы А. Я. Ливерганта и И. Г. Гуровой объединяет то, что пропозиция оригинала выражена в их текстах предикативными формами, а в оригинале – номинативными. Индивидуальный выбор обусловлен объективной прагматической причиной.

(2) *We are not in a way to know WHAT Mr. Bingley likes (Austen).* /

- *Мы никогда не узнаем, что нравится и что не нравится мистеру Бингли* (Маршак).
- *Откуда нам знать, что придется по вкусу мистеру Бингли, а что нет* (Ливергант).
- *Нам неоткуда узнать, что нравится мистеру Бингли, а что нет* (Гурова).

В данном примере А. Я. Ливергант, используя косвенный речевой акт, передает репрезентатив через формальный квеситив (*Откуда нам знать...*), являющийся риторическим вопросом. И. С. Маршак и И. Г. Гурова сохраняют репрезентативы.

У всех трех переводчиков появляются семантически альтернативные единицы *что нравится и что не нравится* (Маршак); *что придется по вкусу ..., а что нет* (Ливергант); *что нравится ..., а что нет* (Гурова), отсутствующие в оригинале. Их появление можно рассматривать как результат смыслового вывода, основанного на пропозиции оригинала: «мы не знаем N» – истинное высказывание, следовательно, истинно то, что «мы не знаем, что нравится N, равно как и то, что ему не нравится». Сходство в оформлении смысла обусловлено объективными причинами прагматического характера.

(3) *Sir William and Lady Lucas are determined to go, merely on that account (Austen).* /

– *Вот увидите, сэр Уильям и леди Лукас сразу поспешат в Незерфилд. А ради чего, как вы думаете? Уж, конечно, ради своей Шарлот* (Маршак).

- *Сэр Уильям и леди Лукас собираются нанести ему визит только из этих соображений* (Ливергант).
- *Сэр Уильям и леди Лукас не замедлят нанести ему визит по одной этой причине* (Гурова).

Для стиля И. С. Маршака характерно использование риторических вопросов при переводе репрезентативов. И. С. Маршак инкорпорирует в текст перевода вопрос миссис Беннет (*А ради чего, как вы думаете?*). Грамматическое значение вопроса ослаблено, его автор сама предлагает ответ (*Уж, конечно, ради своей Шарлот*), которого нет в тексте оригинала. Цель данного вопроса – активизировать мышление адресата, заставить его думать в нужном для героини русле. Включение вопроса делает акцент на важности посещения поместья Незерфилд-парка, придает некую живость диалогу. И. С. Маршак в данном контексте в очередной раз упоминает и название поместья. Речь миссис Беннет приобретает эмоциональную маркированность: разговорная фраза (*А ради чего*), дискурсивные слова (*уж, конечно*), использование притяжательного местоимения (*своей Шарлот*) свидетельствуют о высокой эмоциональной напряженности героини (она явно насторожена и чувствует соперников) и меняют экспрессивную тональность высказываний. Появление дополнительного текста можно объяснить личностными интенциями переводчика, которые и определили стратегию перевода, направленную на экспликацию эмоциональных речевых актов. На коммуникативно-мотивационном уровне для языковой личности переводчика доминантной оказалась мотивация раскрыть более подробно характер героини, ее отношение к происходящему через вербализацию дополнительных речевых актов. С точки зрения коммуникативной и модальной рамок высказывания дополнительная информация соответствует общему пропозициональному содержанию и является вербализацией имплицитных причинно-следственных связей. В переводе меняется соотношение выраженной и скрытой информации в сторону экспликации.

В переводах А. Я. Ливерганта и И. Г. Гуровой соотношение эксплицитной и имплицитной информации остается тем же, что и в оригинале. Авторы переводов сохраняют РА-репрезентатив при переводе, но оформляют его разными лексическими средствами, что является проявлением индивидуальности их языковых переводческих личностей.

(4) *I am sorry to hear THAT; but why did not you tell me that before? If I had known as much this morning I certainly would not have called on him. It is very unlucky (Austen).* /

– *Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше. Знай я это сегодня утром, я бы ни в коем случае к нему не поехал. Экая досада!* (Маршак).

– *Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше. Знай я, какого вы о нем мнения, я бы сегодня утром к нему не отправился. Досадно!* (Ливергант).

– **Вы меня удручаете.** Почему вы прежде меня не предупредили? <...> **Очень-очень жаль** (Гурова).

При анализе текста оригинала обращает на себя внимание использование двух речевых актов: экспрессивного РА сожаления (*I am sorry*) и квеситива (*why did not you tell me that before?*), который звучит как упрек. В переводах И. С. Маршака и А. Я. Ливерганта вышеназванные РА объединяются в один сложный речевой акт сожаления с использованием предикатива *жаль*, передающего состояние говорящего, а причина сожаления представлена во второй части (*что вы не сказали мне об этом раньше*). Далее в оригинале используется репрезентатив (*It is very unlucky*), лишенный признаков экспрессивности. В переводах И. С. Маршака и А. Я. Ливерганта он передается экспрессивными высказываниями, выражающими сожаление, досаду. Маршак для усиления экспрессивности употребляет местоимение *экая*, соответствующее разговорному стилю (*Экая досада!*). РА сожаления в переводе И. Г. Гуровой также не лишен экспрессивности за счет повтора лексической единицы *очень*. Таким образом, можно проследить, что всем переводам свойственна большая экспрессивность на синтаксическом и лексическом уровнях, чем оригиналу.

Переводы И. С. Маршака и А. Я. Ливерганта эквивалентны на уровне пропозиции и пресуппозиций оригинала; небольшое лексическое расхождение на поверхностном уровне свидетельствует о том, что оба перевода – это аллотексты одного инвариантного оригинала. И. Г. Гурова РА сожаления трансформирует в формальной репрезентативный РА, передающий эмоциональное состояние героини с использованием книжной лексики *удручаете*. Часть информации оригинала в переводе И. Г. Гуровой имплицитируется, тем не менее все пресуппозиции, необходимые для того, чтобы перевод считался адекватным, вербализованы.

(5) *I desire you will do no such thing* (Austen). /

– **Надеюсь, вы этого не сделаете** (Маршак).

– **Прошу вас не делать этого** (Ливергант).

– **Прошу вас ничего подобного не делать** (Гурова).

I desire – перформативный речевой акт пожелания. Само высказывание представлено в перформативной формуле. В переводе И. С. Маршака используется модусный глагол *надеюсь*, так же как и *desire*, он ориентирован на будущее, передает значение надежды и выражает субъективное состояние говорящего. Можно утверждать, что данные высказывания содержат косвенную побудительную семантику.

А. Я. Ливергант и И. Г. Гурова используют прямые директивные РА для передачи данного высказывания, представленные побудительными предложениями со сказуемым в повелительном наклонении множественного числа, эксплицирующие языковое намерение говорящего. В данном примере мы наблюдаем близость на уровне речевых актов в переводе И. С. Маршака и замену репрезентативов на директивные высказывания у И. Г. Гуровой и А. Я. Ливерганта. Однако директивы представлены в виде реквестивов (просьбы), которые носят мягкий характер и могут соотноситься с косвенным директивным РА. Легко заметить, что варианты *прошу* и *надеюсь* связаны семантически: словарные статьи *desire* и *hope*, а также *желать* и *надеяться* убедительно это доказывают (Толковый словарь русского языка онлайн). Общая пропозиционная составляющая оригинала через вербализацию близких пресуппозиций проявляется в вариантах, описывающих одну и ту же смысловую ситуацию: «некто желает, чтобы некоторое положение вещей стало действительностью, и надеется, что так и будет», что еще раз свидетельствует об инвариантности оригинала.

В следующем примере Бингли советует своему другу Дарси пригласить одну из дам на танец:

(6) *You had much better dance* (Austen). /

– **Право же, пригласите кого-нибудь** (Маршак).

– **Чем стоять без дела, пошли бы пригласили кого-нибудь** (Ливергант).

– **Танцы тебя развлекут** (Гурова).

Директивные РА имеют широкий диапазон проявлений, а сам тип речевого действия допускает их значительную вариативность выражения (Карасик, 2002, с. 51). В тексте оригинала мы имеем дело с советом как разновидностью директивных актов, которому присуща суггестивная интенция и который выражен конструкцией с положительным компаративом *had better*, передающим идею предпочтения продуцируемого действия. И. С. Маршак переводит данный речевой образец, используя директивное высказывание, выраженное глаголом-сказуемым в повелительном наклонении, смягчая его вводным словом *право же*. А. Я. Ливергант прибегает к непрямому способу передачи РА совета через косвенный РА – его перевод содержит форму сослагательного наклонения. В переводе И. Г. Гуровой директивная интенция представлена репрезентативом, который имплицитирует суггестивную интенцию. Переводы данного РА можно считать адекватными и гармоничными по отношению к оригиналу, поскольку они сохраняют его прагматическую установку.

В следующем примере миссис Беннет обращается к мужу, заставляя его повлиять на Лиззи, чтобы та вышла замуж за мистера Коллинза, но, когда тот переводит все в шутку, упрекает его:

(7) *You promised me to insist upon her marrying him* (Austen). /

– **Разве вы не обещали мне заставить эту девчонку выйти за него замуж?** (Маршак).

– **Вы же обещали мне, что возьмете с нее слово, что она выйдет за него** (Ливергант).

– **Вы обещали мне, что настаите, чтобы она вышла за него** (Гурова).

Во всех трех вариантах сохранена пропозиция оригинала. В оригинале РА упрека выражен имплицитно. В переводе И. С. Маршака упрек в виде косвенного вопроса усиливает смысл пропозиции, появление на поверхностном уровне частицы *разве* можно трактовать как идиостилевой маркер автора перевода. А. Я. Ливергант

дублирует в высказывании имплицитный РА упрека, однако лексическая трансформация (*возьмете с нее слово*) и дискурсивное слово *же* делают прагматическую направленность высказывания более очевидной. Вариант И. Г. Гуровой предлагает дословный перевод.

Анализ примеров демонстрирует различные виды варьирования при переводе: использование косвенных РА, замена одного РА другим в рамках одной группы согласно классификации РА, добавление РА и элиминация.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. На примерах анализа трех текстов перевода одного и того же оригинала мы делаем заключение, что профессиональный переводчик отталкивается от прагматической цели высказывания и добивается точности перевода не путем воспроизведения слов, а путем анализа иллокутивной силы речевого акта, т. е. дешифровки речевого намерения автора текста и того, как он это намерение выразил. Затем переводчик переходит к поиску адекватного языкового воплощения речевого акта.

Наибольшие расхождения в переводах наблюдаются при передаче директивных РА. Это можно объяснить тем, интенция директивов варьируется в зависимости от облигативности приписываемого действия, статуса коммуникантов и других параметров коммуникативной ситуации. Кроме того, директивы характеризуются многообразием форм выражения, как в английском, так и русском языке, и могут передаваться как прямыми, так и косвенными лингвистически и культурно обусловленными РА. Нами не обнаружено варьирований при переводе декларативных речевых актов, что неудивительно, поскольку они конвенциональны и, как правило, содержат перформативный глагол, однозначно эксплицирующий интенцию автора. Во всех примерах, проанализированных нами, сохранен пропозициональный смысловой инвариант. При этом варианты перевода представляют собой экспликации пресуппозиционных выводов, обусловленных инвариантом, поэтому на поверхностном уровне мы можем наблюдать лексическое и синтаксическое несоответствия. Эти несоответствия вызваны как объективными, лингвистическими и культурными причинами, так и субъективными, продиктованными индивидуальными профессиональными целями переводчиков и их идиостилем. Переводчики романа придерживались разных целей, о чем говорилось выше. И. Г. Гурова своей целью ставит максимальное соответствие оригиналу и стремится приблизить перевод к языку Дж. Остин. И. С. Маршак и А. Я. Ливергант трансформируют речевые акты, ориентируясь на языковые нормы языка перевода, при этом сохраняя прагматическую направленность РА.

Переводчиками неоднократно отмечалось отсутствие способа адекватной передачи эмотивного содержания высказывания на иностранный язык. Анализ показал, что тексты перевода романа по эмоциональному воздействию превосходят текст оригинала за счет использования экспрессивных высказываний, характерных для переводящего языка, вместо репрезентативных, что также объективно обусловлено взаимодействием национального темперамента и мышления; тем, как это взаимодействие отражено в языке.

Анализ примеров показал, что степень личного влияния переводчиков на текст перевода имеет рамки, сформированные когнитивными, психолингвистическими и лингвокультурными традициями представления окружающей действительности в тех социальных группах, чьим представителем они являются. Рамки моделируют переводческое пространство, элементом которого выступает и языковая личность переводчика. Созданные в этом пространстве переводы эквивалентны, адекватны и гармоничны по отношению к оригиналу.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в выявлении наиболее частотных моделей трансформаций РА, а также в выделении критериев наиболее удачного перевода с учетом не только критериев гармоничности, адекватности и эквивалентности перевода, но и прагматических параметров коммуникативной ситуации.

Источники | References

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод / отв. ред. А. Д. Швейцер. М., 1998.
3. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2004.
4. Гарусова Е. В. Интерпретативные позиции переводчика как причины вариативности перевода: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2007.
5. Исаева С. М., Добрякова М. В. К вопросу о переводной множественности произведений английской писательницы Д. Остин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭСТ, 2002.
8. Кушнина Л. В. Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4.
9. Логинова А. А. Инструментарий теории речевых актов в практической деятельности переводчика // Язык. Культура. Коммуникация. 2023. № 24.
10. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сборник. М., 1986. Вып. XVII.

11. Почепцов О. Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения (на материале русского и английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. К., 1979.
12. Рахматуллина Д. Р., Безменова Л. Э., Степанова А. В. Межъязыковые преобразования речевых актов в переводческом пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4.
13. Тарабунова Н. В., Ведяпина А. В. Диалогическая речь в русских переводах романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение» // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах: сборник научно-методических трудов. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. Вып. 14.
14. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
15. Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Информация об авторах | Author information

RU

Рахматуллина Диляра Равильевна¹, к. филол. н., доц.
Безменова Лариса Эдуардовна², к. филол. н., доц.
Мангушев Сергей Владимирович³, к. филол. н., доц.
^{1, 2, 3} Оренбургский государственный педагогический университет

EN

Dilyara Ravil'evna Rakhmatullina¹, PhD
Larisa Eduardovna Bezmenova², PhD
Sergei Vladimirovich Mangushev³, PhD
^{1, 2, 3} Orenburg State Pedagogical University

¹ dilyara-rakhmatullina@mail.ru, ² bezmenova.larisa@mail.ru, ³ lenochka042004@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.02.2024; опубликовано online (published online): 27.04.2024.

Ключевые слова (keywords): языковая личность переводчика; вариативность; художественный перевод; теория речевых актов; речевой акт; linguistic personality of a translator; variability; literary translation; speech act theory; speech act.